

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2016 – № 3

**ЗАПАД И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ
THE WEST AND THE MUSLIM WORLD:
EXACERBATION OF CONTRADICTIONS**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2016

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №3 / 2016**

«Агентство научных изданий»

2016

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №3 / 2016 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2016 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Рассматриваются социокультурные, политические и геополитические аспекты конфликта между Западом и исламским миром. Выявляются причины политизации и радикализации ислама на территории Европы. Анализируется влияние политики западных стран на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке на межцивилизационные отношения. Для специалистов-международников, преподавателей высшей школы, студентов и аспирантов.

УДК 327.8
ББК 66.2

© Коллектив авторов, 2016
© Агентство научных изданий, 2016

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
«Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Актуальные проблемы Европы № 3 / 2016 Запад и мусульманский мир: обострение противоречий

Сведения об авторах

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, участник научно-исследовательской стажировки Фонда Ханса Зайделя, Рурский университет в Бохуме (ФРГ).

Belinsky A.V. – candidate of sciences (Ph.D in in political sciences), member of research training of the Hanns Seidel Foundation, Ruhr University Bochum (FRG). (belinskii_andrei@mail.ru)

Долгов Борис Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Dolgov B.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), senior researcher, Centre for Arab and Islamic studies, Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences. (dolgov.boris@list.ru)

Мальшев Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; доцент Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Malyshev D.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), research fellow, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; associate professor, Faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University. (dimal.68@mail.ru)

Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, заведующая Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН.

Novikova O.N. – candidate of sciences (Ph.D in history), head of Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences. (novikova@inion.ru)

Трунов Филипп Олегович – научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; преподаватель кафедры международной безопасности Факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Trunov Ph.O. – research fellow, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; researcher, Department of international security, Faculty of world politics, Lomonosov Moscow State University. (ltrunov@mail.ru)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН; доцент, профессор МГИМО (У) МИД России.

Khenkin S.M. – doctor of sciences (Sc.D. in history), leading researcher, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences; professor, MGIMO (U) of the Ministry of foreign affairs. (sergkhenkin@mail.ru)

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Tchernega V.N. – doctor of sciences (Sc.D. in Law), Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, leading researcher, Department of Europe and America, INION, Russian Academy of Sciences. (vladimir.tchernega@free.fr)

Шлыков Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского госу-

дарственного университета им. М.В. Ломоносова, председатель Совета молодых ученых ИСАА МГУ.

Shlykov P.V. – candidate of sciences (Ph.D in history), associate professor, Middle Eastern history department, Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University, chairman of the Council for young scientists of the Institute of Asian and African studies. (chlykov@gmail.com)

Введение

Антитеза «Запад – мусульманский мир» становится все более устойчивой и часто употребляется в научных исследованиях. Сами мусульмане используют именно это противопоставление, несмотря на то что, строго говоря, оно должно было бы звучать: «христианский мир – мусульманский мир». Но мусульмане часто обвиняют западный мир не столько в верности христианству, сколько в безверии, атеизме, забвении норм общечеловеческой морали, которые постулируются в религиозных догматах. Очевидно, что одним из следствий глобализации явилось агрессивное наступление западной, евро-атлантической массовой культуры как культуры цивилизации, находящейся в настоящее время на вершине своего могущества, и распространение, иногда насильственное, демократии как западной модели государственного устройства. Имеет место противостояние либеральных способов организации общества, глашатаем которых является Запад, и традиционных религиозных ценностей и жизненных устоев мусульман. По представлениям многих мусульман, идет наступление коллективного Запада на мусульманские страны. Поводом для подобного убеждения служат также военные операции западных стран в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. В попытках противостоять этому наступлению мусульмане при рассмотрении данных конфликтов придерживаются цивилизационного подхода, где религия играет главенствующую роль. Они, так же как и Запад, пытаются выступать в качестве коллективного игрока, опираясь на концепцию *уммы*, трансцендентного сообщества людей, объединенных общей религией независимо от страны обитания. Отсюда – актуализированная сейчас концепция «исламского государства», в исламистском варианте реализуемая в настоящее время на территории Ближнего Востока. Здесь нужно отметить, что проявления религиозного фундаментализма характерны прежде всего для тех стран, где уже наблюдались ростки модернизации, которые породили проблемы в рамках традиционного общества, но еще недостаточно окрепли, чтобы быть в состоянии их решить. Поэтому «Исламское государство» – это вызов современному секулярному национальному государству, которое представителям политического ислама¹ кажется неприемлемым для исламской культуры. В статье П.В. Шлыкова, представленной в данном номере журнала, феномен «исламского государства» рассматривается в нескольких измерениях – как вызов нормативности западной модели общественного устройства, как проект, альтернативный государственности, как столкновение внутри исламского мира и новый виток антизападной революции. Появление негосударственных армий и вооруженных группировок на Ближнем Востоке, усиление группировки «Исламское государство» (ИГ) демонстрируют, по мнению исследователя, необходимость отхода от государственно-центричной трактовки суверенитета к понятию множественности суверенитета в рамках одного государства.

Возвращаясь к названию данного номера журнала, следует заметить, что, кажется, логично было бы закрепить в нем противопоставление «Запад – мусульманский Восток». Однако, по мнению ряда известных востоковедов (В.В. Наумкина, А.В. Малашенко, Д.Б. Малышевой), существует и мусульманский Север, куда входят регионы России с преимущественно мусульманским населением, Кавказ и Центральная Азия. Кроме того, сейчас мы наблюдаем масштабное мусульманское присутствие и на Западе – это мигранты и их потомки в Европе и Соединенных Штатах. Таким образом, образовался мусульманский Запад.

Анализируя противопоставление «Запад – мусульманский мир», следует обратить внимание на вторую его составляющую. Рассматривая мусульманский мир как единый коллектив-

¹ Термин «политический ислам» получил распространение после победы исламской революции 1978–1979 гг. в Иране. Он указывает на неотделимость исламской религии от политики, что находит свое отражение в концепции «исламского государства».

ный субъект, ведущий российский востоковед В.В. Наумкин включает в это понятие страны, позиционирующие себя как исламские, с мусульманским большинством населения; страны со значительным мусульманским населением; транснациональные объединения исламских государств (ОИК, Лига исламского мира, Лига арабских государств и др.); национальные мусульманские организации (светские и религиозные) и общины [Наумкин, 2006]. И В.В. Наумкин, и исследовательница из Екатеринбурга Г.Н. Валиахметова изучают мусульманский мир также и с позиций цивилизационного подхода – как «историко-культурный ареал, отличающийся от других цивилизаций (еврохристианской, индуистской, конфуцианско-буддистской) специфической религии (ислам) и согласования мирской деятельности (экономика, политика, культура, быт и т.д.) с религиозными (исламскими) ценностями» [Валиахметова, 2013, с. 16].

Возникает вопрос, является ли мусульманский мир источником опасности для Запада. Одни ученые, поддерживая идею Б. Льюиса о столкновении цивилизаций, подхваченную позднее С. Хантингтоном, утверждают, что на смену идеологическому противостоянию Запада и стран социализма пришло конфликтное противостояние западной и исламской цивилизаций. Другие подчеркивают разницу между исламом и исламизмом (под которым обычно понимают радикально-экстремистское направление в исламе) и утверждают, что опасность исходит только от последнего. Исламисты привержены идее введения исламского шариата как закона, определяющего жизнь современных исламских обществ. Политический исламизм имеет целью захват власти в различных странах. Этот проект пытается сейчас осуществить «Исламское государство». В данном номере журнала известный арабист из Института востоковедения РАН Б.В. Долгов прослеживает процесс формирования ИГ, характеризует его деятельность. Ученый, регулярно бывающий в Сирии, дает оценку внутривосточной ситуации в этой стране и излагает свое видение разрешения сирийского конфликта и создания условий для успешного противостояния исламистскому экстремизму и терроризму.

По мнению ряда исследователей, терроризм является «специфическим ответом сильных, но менее развитых цивилизаций на интервенции других культур вследствие глобализации» [Орлов, Данилов, Аникин, 2008, с. 35]. В то же время это «насилие группы людей по отношению к государству как политическому субъекту, но осуществляемое чаще всего не напрямую, а посредством насилия или угрозы насилия в отношении мирных граждан» [там же]. По мнению этих ученых, терроризм является результатом политизации религии.

В контексте изучения радикальных проявлений ислама в журнале публикуется материал, касающийся участия в международных конфликтах на Ближнем Востоке и в странах Африки иностранных боевиков, которые готовы рисковать своей жизнью, например, в рядах экстремистов «Исламского государства», потому что убеждены, что транснациональная исламская идентичность – единственная альтернатива опасному и чуждому Западу. О.Н. Новикова подчеркивает, что возвращающиеся на родину иностранные боевики создают угрозу европейской безопасности, однако вызов долгосрочного характера заключается в радикализации отдельных групп населения непосредственно в Европе, и с этим надо научиться бороться.

Особый интерес представляют статьи, в которых подвергается анализу проблема нарастания исламистской угрозы в Европе. Об этом пишет в своей работе В.Н. Чернега. Он разрабатывает темы взаимоотношений государства и религии, эволюции отношения французского общества к религиозно-культурной специфике мусульман, поиска баланса между «республиканскими ценностями», отстаиванием «французской идентичности» и требованиями мусульманского сообщества Французской Республики. Автор говорит о переплетении культурно-религиозных и социально-экономических факторов, способствующих возникновению исламского терроризма на территории Франции. В.Н. Чернега высказывается в пользу необходимости глубоких перемен как в области образования, так и на рынке труда. И тут же хотелось бы добавить – и права, поскольку столь же необходимым представляется выявить и проследить связь между правом, религией и нравственностью. В европейской культуре право

является лидирующим и определяет границы других регуляторов. Л.Р. Сюкияйнен из Высшей школы экономики пишет: «Ведь европейское (и западное в целом) общество характеризуется очевидным превалярованием правовых ценностей, которое нередко доводится до своего логического предела в условиях господства принципов секуляризма и светского государства. В результате право оказывается формально полностью отделенным от религии и в значительной степени даже от нравственных ценностей» [Сюкияйнен, 2012, с. 495]. В мусульманских странах, а также в мусульманских общинах на Западе соотношение между нравственностью, моралью и правом иное. Здесь право ограничено религиозными критериями и поставлено в зависимость от них. Поэтому возникают конфликты между правом, с одной стороны, религией и традиционной нравственностью – с другой.

В журнале представлено исследование ведущего российского испаниста С.М. Хенкина о мусульманской общине в Испании. В истории этой страны имело место уникальное сосуществование христианской и мусульманской общин в Средние века. В настоящее время принято соглашение о сотрудничестве между испанским государством и Исламской комиссией Испании, представляющей основную массу испанских мусульман, которое считается одним из лучших правовых документов в Европе в плане уважения прав религиозных меньшинств. Несмотря на наличие в стране агрессивного меньшинства – радикальных исламистов, автор оптимистично оценивает перспективы адаптации мусульман-иммигрантов к условиям Европы, полагая, что исламская культура в ряде аспектов вполне совместима с западными традициями – обстоятельство, делающее возможным интеграцию мусульман в западный мир.

В фокусе исследования А.В. Белинского оказывается именно это агрессивное меньшинство, – но не в Испании, а в Германии. Речь идет о салафитской общине в этой стране. Автор пытается разобраться в природе салафитской идеологии, анализирует ее корни, показывает политические цели этого религиозного течения и способы их достижения. Практический интерес представляют сведения о составе и структуре салафитских групп в Германии. Автор прогнозирует рост популярности салафизма в этой стране.

В немалой степени этому способствует политика Германии на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке. Ф.О. Трунов посвящает свою статью анализу внешней политики ФРГ во время ливийского и сирийского кризисов. Конфликт в Сирии далек от своего разрешения, и автор справедливо отмечает, что «разрядка ситуации или, наоборот, ее обострение будут в значительной степени определяться позицией держав Запада, в том числе ФРГ, и их готовностью к сотрудничеству с Россией».

Для Запада, как и для России, большой проблемой представляется радикализация Центральной Азии (ЦА). После распада СССР правящие элиты центральноазиатских стран столкнулись с феноменом роста религиозных настроений среди населения. Религия и религиозные организации заполняли вакуум, образовавшийся в обществе в связи с потерей социальных гарантий, низким качеством государственного управления, ростом коррупции и преступности. Но главной опасностью является не рост религиозных настроений, а распространение экстремистских идей религиозного характера. Притягательность ИГ для людей, разделяющих экстремистские убеждения, лишь отчасти объясняется социально-экономическими факторами. Главное для них – священная борьба за продвижение ислама.

Все большее количество жителей из региона Центральной Азии отправляется в Сирию, чтобы пополнить ряды боевиков «Исламского государства». По оценкам официальных лиц государств ЦА, в Сирию из стран региона отправились около 2 тыс. человек, по российским оценкам – около 4 тыс. Большая часть уехавших в Сирию – этнические узбеки, хотя много и киргизов, казахов, таджиков и туркмен. В Сирии многие из них оказываются в подчинении более опытных боевиков с Кавказа или из арабских стран. Радикализация новобранцев происходила большей частью на родине, но часто также и за границей, где они жили как трудовые мигранты. Запад тревожит, что – если и когда весьма значительная часть этих людей вернется

на родину, – они могут дестабилизировать весь регион. Западные наблюдатели сокрушаются, что центральноазиатские правительства не перенимают европейский опыт по реабилитации джихадистов. Подобный опыт имеется и в Афганистане (программы по реабилитации и интеграции талибов), правда, не очень удачный. Более успешным считается опыт Дании.

Вопросу радикализации ислама в Центральной Азии, анализу проблем, стоящих перед странами ЦА и способствующих росту террористической угрозы, а также отношению к этим проблемам стран Запада посвящена публикуемая в журнале статья Д.В. Малышева. Автор выявляет тенденции распространения идей радикального исламизма и говорит о необходимости объединения усилий всех заинтересованных сторон в борьбе против радикализации ислама и международного терроризма.

Обострение противоречий Запада и мусульманского мира, наблюдающееся на современном этапе их взаимоотношений, идет по трем основным линиям. Во-первых, конфликт между двумя моделями государственного устройства – западной и исламской. Во-вторых, нарастание напряженности в западных странах в связи с нежеланием большей части мусульман принимать ценности западной цивилизации. Многие мусульмане-мигранты не хотят интегрироваться в западное культурное пространство, живут диаспорами, осуждают западный образ жизни. В-третьих, самая большая проблема, обострившаяся в последние годы, – рост исламского экстремизма и терроризма.

Все эти темы анализируются в данном номере журнала.

Список литературы

Валиахметова Г.Н. Исламский фактор в мировой политике: Курс лекций / М-во образования и науки Рос. Федерации; Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 124 с. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/27933/1/978-5-7996-0867-5_2013.pdf (Дата обращения – 31.01.2016).

Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. – М., 2006. – Т. 4, № 1 (10). – Январь–апрель. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm> (Дата обращения – 31.01.2016).

Орлов М.О., Данилов С.А., Аникин Д.А. Исламский терроризм в глобальном мире: Социально-философский анализ // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск, 2008. – № 307. – С. 32–37. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/307/image/307-032-037.pdf> (Дата обращения – 31.01.2016).

Сюкияйнен Л.Р. Ислам и мусульманские меньшинства в Европе: Противостояние правовых культур // Ишрак: Ежегодник исламской философии. – М.: Восточная литература, 2012. – Вып. 3 / Под ред. Я. Эшотс. – С. 494–513. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/95905489> (Дата обращения – 31.01.2016).

О.Н. Новикова

«Исламское государство» как вызов нормативности западной модели общественного и государственного устройства

П.В. Шлыков

Аннотация. В статье рассматривается феномен «Исламского государства» (ИГ) в нескольких измерениях – как вызов нормативности западной модели общественного устройства, как проект альтернативной государственности, как столкновение внутри исламского мира и новый виток антизападной революции. Успех и конкурентные преимущества ИГ в заполнении вакуума реальной власти и создании своего протогосударства анализируются не только как следствие деградации государственных институтов в регионе, но и как производная кризиса незавершенных проектов нациестроительства.

Abstract. The paper analyses the phenomenon of the «Islamic State» (IS) as a challenge to the Western model of social order, an alternative project of state-making, a clash within the Islamic world and a new stage of anti-westernization. The paper also scrutinizes the success and competitive advantages of the IS in filling the vacuum of power and making its own proto-state as a consequences of the both degrading state institutions in the region and unfinished nation-making projects.

Ключевые слова: «Исламское государство», ИГ, ИГИЛ, исламский радикализм, анти-вестернизация, нациестроительство.

Keywords: «Islamic State», IS, ISIL, Islamic radicalism, anti-westernization, nation-making.

«Исламское государство» (ИГ) формально возникло в 2006 г., когда Совет моджахедов шуры, включавший в себя ряд экстремистских группировок в Ираке [Designated..., 2016], объединился с более мелкими повстанческими структурами, боровшимися против коалиционных сил в Ираке. На тот момент ИГ именовалось «Исламское государство Ирака» (ИГИ). Окрепнув в условиях начавшейся в 2011 г. гражданской войны в Сирии, ИГ в 2013 г. объединило иракских и сирийских джихадистов и сменило свое самоназвание на «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) – именно под этим именем структура под руководством Абу Бакра аль-Багдади была признана террористической [Sanctions..., 2016]. Еще через год, в июне 2014 г., ИГИЛ провозгласило на захваченных территориях Сирии и Ирака создание «халифата» под названием «Исламское государство» (ИГ) с целью в перспективе объединить под своим началом все мусульманские страны. Провозглашение «халифата» означало существенное расширение границ деятельности ИГ, под знамена которого со всего мира стали стекаться добровольцы и которому начали присягать на верность близкие по идеологии группировки. Захват и удержание обширных территорий в Сирии и Ираке, военные успехи, эффективное использование современных средств коммуникации для вербовки боевиков и агрессивная пропагандистская кампания сделали ИГ не только прямым конкурентом «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове или талибов в Афганистане, но, говоря языком маркетинга, превратили ИГ в своего рода международный «исламистский бренд», за право на «франчайзинг» которого стали биться джихадисты по всему миру. В июле 2014 г. филиппинские джихадисты из движения «Абу Сайяф» («аль-Харакат аль-Исламия») объявили о своем присоединении к ИГ. В феврале 2015 г. йеменские джихадисты из группировки «Ансар аль-Шариа», ранее тесно связанной с «Аль-Каидой», в большинстве своем присягнули на верность ИГ. В марте 2015 г. их примеру последовали нигерийские радикалы из «Боко Харам». В августе 2015 г. духовное лидерство ИГ признало Исламское движение Узбекистана.

На сегодняшний день ИГ – самая крупная и быстро развивающаяся повстанческая организация в мире: в Сирии и Ираке ИГ контролирует территорию, по площади сравнимую с

Австрией (примерно 110–112-е место среди международно признанных государств), с населением более 8 млн человек [Gilsinanaug, 2014]. Проводя основные операции на территории Сирии, Ирака, Иордании и Ливана, с 2013 г. эмиссары ИГ активно действуют в зоне Персидского залива и на севере Африки (особенно – в Ливии и Египте), усиливая напряженность в регионе, который стал ареной соперничества и противостояния, во-первых, между ИГ и другими джихадистами (различными фракциями «Аль-Каиды»), во-вторых, между ИГ как суннитской организацией и шиитами, наконец, между ИГ и курдами.

В отличие от «Талибана», создавшего примитивное военно-теократическое государство, или «Аль-Каиды», которая разворачивала свою террористическую сеть «на безопасном удалении» – в Судане, Афганистане и Пакистане, ИГ создало трансграничное и транснациональное протогосударство. В рядах ИГ сражается несколько десятков тысяч человек со всего мира (по разным подсчетам, 80–100 тыс. человек), в том числе и из России (порядка 2 тыс., а по некоторым данным – существенно больше). ИГ осуществляет демонтаж существующей в регионе модели национально-государственного устройства и при этом обладает всеми атрибутами современного государства (военно-бюрократическим аппаратом, налоговой системой, своими законами и т.д.), за исключением международного признания и легального доступа к мировой экономике. ИГ пренебрегает существующими государственными границами, установленными после Первой мировой войны и распада Османской империи (на арабском Востоке эти границы всегда считались несправедливым наследием тайной дипломатии великих держав), заявляет о возрождении суннитской государственности на территориях, где действующая власть оказалась недееспособной.

До формирования международной коалиции, направленной на уничтожение ИГ как террористической угрозы мирового масштаба, ИГ/ИГИЛ представляло собой внутреннюю проблему Ирака, отчасти – Иракского Курдистана и Сирии. Специфика личного состава ИГИЛ (костяк организации сформировали бывшие солдаты и офицеры иракской армии времен Саддама Хусейна) определила основные направления деятельности группировки. Боевики ИГИЛ боролись против американской администрации и новых властей Ирака, которые вытеснили баасистов и прежнюю военно-бюрократическую элиту, нарушив при этом баланс влияния этноконфессиональных групп в иракском обществе в пользу шиитов.

ИГ сплотило в своих рядах двух главных противников Запада на Ближнем Востоке, с которыми коалиционные силы во главе с США боролись во время Иракской войны (2003–2011), – боевиков из «Аль-Каиды» и представителей свергнутого баасистского режима [Al-Tamimi, 2014 a; Al-Tamimi, 2014 b]. Их объединила не столько идеологическая близость (которая едва ли возможна), сколько стремление к власти и готовность добиваться ее любыми методами, а также осознание того, что международная коалиция против ИГ – это одновременно и серьезное препятствие, и ключ к успеху как важнейший фактор мобилизации сторонников.

Стремительный подъем ИГ во многом является прямым следствием осознания возможности добиться того, что прежде ни одно джихадистское движение не могло осуществить, – создать собственное теократическое государство, консолидировав в его рамках территорию сразу нескольких мусульманских стран (причем с возможностью эту территорию удерживать и расширять). Конечно, «Талибан» в свое время серьезно продвинулся в деле создания собственного государства (ввел правление шариата на территории Афганистана и создал свои институты власти, установил контроль над материально-финансовыми ресурсами региона, монополизировал функции применения насилия в Афганистане и т.д.), иными словами, делал в принципе то же, что в 2014–2015 гг. осуществляло в Ираке и Сирии ИГ. Однако между «Талибаном» и ИГ есть ряд существенных различий. Во-первых, поскольку «Талибан» натурализовался как влиятельная сила после фактической победы в гражданской войне на территории Афганистана, для него первостепенная задача заключалась в установлении порядка на территории Афганистана, особенно среди уставших от войны пуштунов, создание альтернативного

государства на повестке дня не стояло. Во-вторых, «Талибан» – это прежде всего пуштунский проект, для которого обращение к мировой мусульманской умме не первично (хотя Мулла Омар и принял символический титул *амир аль-муминин* (повелитель правоверных) в 1996 г., его фактическая юрисдикция предполагала халифат над территорией Афганистана, а не всего мусульманского мира). Не было у «Талибана» и своей версии национализма или проекта национал-социализма, подобного тому что предлагает ИГ. По сути, «Талибан» представлял собой религиозный и военно-политический проект завоевания конкретного государства – Афганистана. При этом «Талибан» продвинулся в вопросе международного признания (Саудовская Аравия, Пакистан, ОАЭ фактически признавали его власть в Афганистане), чего пока не имеет ИГ.

Другие, более молодые исламистские группировки, такие как «Аль-Шабаб» в Сомали, «Боко Харам» в Нигерии, «Ансар ад-Дин» в Мали, тоже провозгласили создание своих эмиратов, но низкий уровень общественной поддержки среди местного населения и малая эффективность в борьбе с внутренними и внешними врагами ставит под сомнение осуществимость их проектов. Не случайно большинство из этих группировок присягнули на верность ИГ, которому хватает и общественной поддержки, и успехов в борьбе с противниками.

Осмысление ИГ как проблемы для Запада

Проблема теоретического осмысления и практического анализа феномена ИГ прочно утвердилась в повестке дня специалистов по Ближнему Востоку по всему миру. Несмотря на кажущееся разнообразие подходов к выявлению природы трансформаций, наблюдаемых в разных странах после «арабской весны», и появления ИГ, среди них можно условно выделить две основные модели: первая концентрируется на внешних факторах, оказывающих определяющее воздействие на регион, для второй центральным тезисом является цикличность исторического процесса (параллели между сегодняшними проблемами Ближнего Востока и его прошлым).

Наиболее яркий пример первой аналитической модели – статья декана школы международных исследований Денверского университета и бывшего посла США в Ираке Кристофера Хилла «Конец арабского государства», в которой политические коллизии Ближнего Востока – рост этноконфессиональной напряженности, распад существующих межгосударственных границ – представлены как следствие американских интервенций [Hill, 2014]. Суть проблемы Хилл видит в распаде арабского национального государства и вырождении национальных идентичностей, которые вытесняются этноконфессиональным и групповым размежеванием, что неизбежно погружает регион в состояние «войны всех против всех» [Hill, 2014]. Этноконфессиональные размежевания – не новое явление для стран региона, однако в условиях сильной центральной власти, как правило, удавалось сбалансировать разрозненные узкогрупповые идентичности единой общегражданской. В качестве аргумента Хилл приводит пример Ирака во время правления партии БААС и после американской оккупации и событий «арабской весны», которые разрушили хрупкий баланс политического единства и оживили застарелые этноконфессиональные конфликты.

Еще один пример использования первой модели – это так называемый постосманский синдром. В книге «Зыбучие пески: Раскрывая старый порядок на Ближнем Востоке» британский историк еврейского происхождения Ави Шлаим утверждает, что ход исторического процесса на Ближнем Востоке идет вспять и причины сегодняшних конфликтов необходимо искать в послевоенном мироустройстве и установлении Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, основы которой были заложены после Первой мировой войны Версальским мирным договором (1919) и соглашениями Вашингтонской конференции (1921–1922). Основной тезис Шлаима состоит в том, что сегодняшний политический хаос на Ближнем Востоке – прямое следствие имперской политики Великобритании и Франции, символом

которой является тайный договор Сайкса–Пико о разделении Османской империи, разрушивший «старый порядок» на Ближнем Востоке [Shlaim, 2015].

Несколько иную точку зрения можно обнаружить в работах британского исламоведа индийского происхождения Салмана Сайида, считающего, что Ближний Восток стал ареной противостояния сторонников «постзападного миропорядка»² (т.е. пересмотра навязанной Западом региональной системы отношений) и тех, кто стремится сохранить status-quo [Sayyid, 2014, p. 7]. По мнению Сайида, Запад не стремится поддерживать политические режимы и правительства, которые пользуются поддержкой местного населения, поскольку не хочет видеть их суверенными и независимыми. Поэтому проблема не в демократии или ее продвижении на Ближнем Востоке, а в том, какой из режимов сможет эффективнее выступать проводником интересов Запада в регионе. Все это, с одной стороны, обрекает слабые государства на переход в разряд несостоявшихся (failed states), с другой – создает благоприятную среду для усиления радикальных группировок, подобных ИГ, влияние которых в последние годы стремительно росло.

Наиболее образно вторая аналитическая модель – модель исторических параллелей – представлена в статье Ричарда Хааса «Разваливающийся миропорядок» [Haass, 2014 b; Хаас, 2014]. Хаас предлагает рассматривать политический кризис на Ближнем Востоке – религиозную борьбу между конкурирующими традициями веры, конфликт между радикалами и умеренными, невозможность отличить гражданские войны от войн «по доверенности» – как повторение наиболее драматичного эпизода европейской истории первой половины XVII в., т.е. как «новую Тридцатилетнюю войну» [Haass, 2014 a]. Фактически Хаас говорит о крушении нормативности Вестфальской системы – мира суверенных государств³ – для Ближнего Востока, сравнивая самосожжение тунисского торговца фруктами Мухаммада Буазизи в 2010 г., после которого начались массовые волнения в Тунисе, с Пражской дефенестрацией 1618 г., положившей начало Тридцатилетней войне. Действительно, волна «арабских революций» и эпоха нестабильности на Ближнем Востоке спустя пять лет после событий в Тунисе далека от завершения.

Европа XVII в. дала пример постепенной эволюции от перманентной конфликтности к Вестфальской системе международных отношений с ее идеей баланса сил и межгосударственных союзов, признания за каждым государством всей полноты суверенной власти на своей территории и устранением конфессионального фактора из политики. «Новый Ближний Восток», наоборот, дает пример своего рода инволюции – архаизации общественно-политической системы, для которой определяющей характеристикой становится социальная анархия, религиозные и гражданские войны. В итоге «Новый Ближний Восток» – это и государства, неспособные контролировать свою территорию, и ожесточенная борьба за лидерство между относительно сильными странами, и рост влияния внесударственных сил – ополченцев и террористических групп, – и стирание границ [Haass, 2014 a].

Профессор Мичиганского университета Мухаммад Айюб в своих оценках Ближнего Востока проводит исторические параллели с холодной войной, ведущейся сразу на двух фронтах: между Ираном и Саудовской Аравией на региональном уровне, и между США и Россией на глобальном [Аюоб, 2013; Аюоб, 2014]. Саудовская Аравия и Иран – это и религиозное противостояние (сунниты–шииты), и борьба за экономическое доминирование (конкуренция

² О «постзападной цивилизации» в свое время писал С.Н. Юшенков, определяя ее как путь (на который человечество фактически уже ступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера [Юшенков, 2001; Постзападная..., 2002].

³ Со времен знаменитой работы Ганса Моргентхау «Политические отношения между нациями: Борьба за власть и мир» (1948) большинство политологов рассматривали Вестфальский мир как поворотную точку в истории Запада и современной мировой политики, поскольку сформулированный в нем принцип национального государственного суверенитета до сих пор остается одним из краеугольных камней международного права [Моргентхау, 1997].

в сфере энергоресурсов), и конкуренция за региональное лидерство на Ближнем Востоке. Иран поддерживает режим Башара Асада в Сирии, «Хизбаллу», шиитское ополчение в Ираке, хуситов (шиитских повстанцев) в Йемене. В то время как саудиты, обеспокоенные ростом влияния Ирана в региональных делах, поддерживают сирийскую оппозицию, суннитов в Ираке, правительственные силы в Йемене. На глобальном уровне холодная война между США и Россией на Ближнем Востоке выражается американской поддержкой Саудовской Аравии и Израиля, с одной стороны, и фактической поддержкой Россией Ирана и режима Башара Асада – с другой.

Снижение дееспособности ближневосточных государств и его основные бенефициары

В феномене победного шествия ИГ можно увидеть следствие кризиса дееспособности власти в Сирии и Ираке и в целом в странах региона после «арабской весны». Дееспособность в данном случае – вполне объективная величина, отражающая возможности правительства поддерживать существование государства как жизнеспособной политической и экономической единицы, а также способность оказывать населению минимальный пакет критически необходимых «политических услуг»: гарантировать безопасность; поддерживать функционирование правовой системы и соблюдение законов; обеспечивать инфраструктуру экономической деятельности; наконец, гарантировать – пусть и в минимальном размере – социальное обеспечение и политическое участие. От того, в каком объеме государство может обеспечить оказание «политических услуг» своему населению, напрямую зависит его характеристика как сильного, слабого или несостоявшегося [Rotberg, 2003]. Причем в этом смысле несостоявшимся может быть не только государство, но и нация, для которой существующий проект нациестроительства оказался нерелевантным, т.е. когда в обществе нарушается консенсус по вопросу культурных традиций, символов, исторического прошлого и т.д. В этих условиях создается благоприятная среда для конкуренции между разными национальными проектами, которые нацелены на замещение прежней национальной идентичности [State-building., 2005].

В научной литературе, посвященной проблеме несостоявшихся государств, выделяются две основные категории. В первом случае недееспособность государства не сопровождается отказом основной массы населения подчиняться установленным правилам, порядкам и решениям правительства, во втором – она становится эквивалентом полного коллапса системы управления, что позволяет говорить также о распаде нации [там же]. В ситуации несостоявшейся нации резко повышается уровень недовольства населения действующей властью. Это ведет к росту насилия и снижению уровня безопасности, что, как в замкнутом круге, влечет за собой дальнейшую эскалацию насилия. Распад нации приводит к резкому оттоку наиболее дееспособного населения и естественному кризису человеческого капитала, а положение неэмигрировавшего населения становится еще более удручающим. Разрушен общественный договор, государство окончательно утрачивает легитимность в глазах населения: государственный аппарат принуждения теряет монополию на применение насилия, и в этой сфере начинается соревнование между государственными и негосударственными вооруженными формированиями.

Рейтинг слабости государств (*Fragile states index*) определяет способность государств выполнять свои прямые обязанности – обеспечивать безопасность и благополучие граждан по 12 агрегированным показателям [Fragile., 2015, p. 7]. Первые семь – демографические проблемы (межэтническая конфликтность), неравномерность экономического развития, бедность и экономическая нестабильность, доступность и качество социальных услуг, соблюдение прав человека, разобщенность элит и внешнее вмешательство (риски иностранного вмешательства) – характеризуют способность власти выполнять свои основные обязанности, т.е. жизнеспособ-

ность государства. Оставшиеся пять показателей – наличие недовольных групп, устойчивая эмиграция, утечка мозгов, делегитимизация государства, гипертрофированное влияние силовиков – квалифицируют не только состояние отношений власти и населения, но и жизнеспособность нации.

По своему уровню устойчивости государства Ближнего Востока находятся в группе высокого риска: Йемен (среднее значение по показателям – 8,97), Сирия (8,66), Ирак (8,33), Ливия (7,8), Египет (7,57), Ливан (6,91). С точки зрения устойчивости нации наихудшие показатели у Сирии (9,46) и Ирака (9,24), Йемена (9,06), Ливии (8,14), Ливана (7,94) и Египта (7,4) [подсчитано по: *Fragile...*, 2015, p. 35–38]. Все это говорит о серьезном кризисе национальной идентичности в этих странах, что способствует росту межгрупповой, межэтнической и межконфессиональной конфликтности – всего, на чем строило свой успех ИГ.

В известной работе Чарльза Тилли «Ведение войны и создание государства как организованное преступление» процесс создания государства включает в себя захват и удержание конкретной территории, извлечение источников доходов для финансирования властных институтов и военных структур и, наконец, создание системы управления для поддержания достигнутых результатов [Tilly, 1985]. В свою очередь, формирование нации требует воспитания чувства гражданственности – разделяемой всеми общей идентичности – в рамках создаваемого государства [Tilly, 1996].

Если проанализировать по этим четырем критериям – контролируемая территория, доходность, институционализация правления, воспитание гражданственности – правительства Сирии и Ирака, с одной стороны, и действующие на территории этих стран повстанческие группировки и внесистемные силы – с другой, то окажется, что ИГ по всем этим показателям опережает действующую власть в Ираке и Сирии. Территория ИГ до последнего времени расширялась, а с ее удержанием не возникало существенных проблем, доходы из разных источников росли, механизмы институционализации власти не давали сбоев, а обаяние идеи «халифата» привлекало к ИГ сторонников не только из стран Ближнего Востока, но и со всего мира. Официальные власти Ирака и Сирии, напротив, последние два года сдавали позиции и в вопросе контроля территорий, и в экономике, и по эффективности правления, и по популярности среди населения. Помимо ИГ в условиях растущей нестабильности лишь курды смогли заметно укрепиться – это касается как курдского регионального правительства, так и курдского ополчения в Ираке и Сирии (за последние два года они продвинулись и с точки зрения контролируемой территории, и по популярности среди населения).

Безотносительно ситуативных побед и поражений успешность ИГ в построении своего государства и альтернативной модели нации напрямую связана со снижением дееспособности сирийских и иракских властей и распадом национального единства. Что касается курдов Ирака и Сирии, воюющих за создание собственного государства, – они укрепили свои позиции не только за счет кризиса иракской и сирийской государственности, но и вследствие своего активного участия в борьбе с ИГ. Курдским регионам на севере Сирии удалось завоевать фактическую независимость еще на начальном этапе гражданской войны, начавшейся в 2011 г. Иракский Курдистан (региональное правительство Курдистана) еще раньше – в 2000-х годах в ходе иракской войны – добился статуса единственного субъекта федерации в составе Ирака (никто больше – ни арабы-сунниты, ни арабы-шииты, ни другие группы – не получили подобных прав)⁴. За последние годы и сирийские, и иракские курды смогли постепенно расширить контролируемые территории, причем отчасти вследствие нестабильности и слабости центрального правительства. С появлением ИГ и дальнейшей эскалацией нестабильности курды продол-

⁴ Весной 1991 г. Совет Безопасности ООН поддержал создание зоны безопасности на севере Ирака, в период с 1991 по 2003 г. иракские курды, пользуясь предоставленной автономией, смогли создать органы самоуправления, свое ополчение. В 2003–2006 гг. курды смогли законодательно закрепить свои права и свободы, получив статус субъекта федерации, базирующегося на трех провинциях – Сулеймания, Эрбиль и Дахук.

жили наращивать свое влияние. Яркий пример – Киркук, который был взят под контроль отрядами *пешимерга*⁵ летом 2014 г. под предлогом активизации джихадистов [Parkinson, 2014]. В целом снижение дееспособности правительств в Ираке и Сирии и общий кризис государственности в регионе после событий «арабской весны» способствовали подъему курдского национализма [Solomon, Dombey, 2014].

Шиитские повстанческие группировки (как, например, базирующаяся в Ливане «Хизбалла»), в свою очередь, смогли усилить позиции, выступая на стороне иракского и сирийского правительств и устанавливая под этим предлогом контроль над рядом территорий при поддержке Ирана [Al-Tamimi, 2015]. В то же время суннитские повстанческие силы – «Джабхат ан-Нусра» и еще несколько влиятельных джихадистских группировок, действующих на севере Сирии, – сформировали «Исламский фронт» (2013), провозгласив правление шариата на захваченной и контролируемой территории. Этот проект протогосударства имел ряд сходств с ИГ, однако был узконаправленным как по географии (только на территории Сирии), так и по преследуемым целям (свержение режима Башара Асада, борьба с шиитами), а внешнее финансирование (в отличие от ИГ, обладающего собственными источниками доходов) делало его претензии на самостоятельность несостоятельными.

В Ираке большинство суннитских повстанческих группировок и племенных объединений не имеют достаточно ресурсов, да и желания для эффективной борьбы с ИГ (по разным причинам – некоторые из соображений солидарности с ИГ как суннитской группировкой, воюющей против правительства в Багдаде, другие – из-за того, что деятельность ИГ расколола их ряды) [Al-Tamimi, 2014 b]. Из-за ограниченности материальных, людских и идеологических ресурсов ни одна шиитская или суннитская группировка в Ираке и Сирии – до появления ИГ – не смогла запустить проект собственного государства.

Институциональные факторы подъема ИГ

Захват и удержание территории с последующим установлением монополии на применение силы – критически важный аспект в создании нового государства. И в этом ИГ на начальном этапе своего существования преуспело. Возможности ИГ установить монополию на применение силы в границах подконтрольной территории базируются на четырех основных факторах: благоприятной региональной конъюнктуре (вакуум местной власти, общественная поддержка), организационных и военно-тактических возможностях, стратегически выверенном подборе целей (как с точки зрения территориальных захватов, так и с политической) и, наконец, на идеологической и религиозной мотивированности действий.

Важное конкурентное преимущество ИГ перед другими джихадистами – умение пользоваться слабостями своих противников и неустойчивостью местной власти, которое оттачивалось с момента создания в 2006 г. «Исламского государства Ирака» (ИГИ) – предшественника ИГ. Несмотря на военные поражения в 2007–2008 гг. от сил международной коалиции в Ираке и поддерживаемого правительством местного суннитского ополчения «Шахва», боровшегося с «Аль-Каидой», вывод коалиционных сил в 2009–2011 гг. способствовал не только укреплению боевого духа членов ИГИ, но и его возможностей рекрутировать в свои ряды новых сторонников на фоне ослабления иракской армии. С уходом американцев правительство Нури аль-Малики стало проводить более агрессивную антисуннитскую политику. Суннитских политиков систематически арестовывали, фактически отказывая им в возможности полноценного участия в политическом процессе, аналогичным образом сунниты выдавливались из системы государственной безопасности (были расформированы иррегулярные вооруженные группировки «Сыны Ирака» – отряды бывших боевиков-суннитов, перешедших на

⁵ Курдские военизированные формирования в Иракском Курдистане.

сторону нового правительства). Вычищались сунниты и из рядов регулярной иракской армии – как с рядовых, так и с командных постов. Причем нередко в ключевых провинциях Северного Ирака, таких как Мосул, командиры, обученные и назначенные на свои посты еще коалиционными силами, заменялись лояльными правительству офицерами-шиитами, из которых большинство не обладало ни необходимым боевым опытом, ни знаниями [Harvey, Prgent, 2014]. Столь недальновидная политика правительства Нури аль-Малики, фактически подготовившая почву для ответного удара суннитских группировок, позволила ИГИ вербовать сторонников среди разжалованных солдат и офицеров и тем самым значительно укрепляться организационно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.